

МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА (НОЯБРЬ 1918–1919 г.)

Рассматриваются внешнеполитические аспекты национальной политики правительства адмирала А.В. Колчака, влияние на нее Русского политического совещания в Париже и союзников.

В условиях Гражданской войны сохранение «единой и неделимой» России было недостижимо без дипломатической, экономической, военной поддержки прежними союзниками в мировой войне – державами Антанты. «Все отрасли нашей государственной работы, – писал И.И. Сукин, – так или иначе сталкивались с необходимостью поддержки держав», но для этого была и «другая глубокая причина: национальное движение... имело своей целью не только свержение большевизма, но и обеспечение единства России» [1. С. 456].

Особую роль в налаживании связи с союзниками и в привлечении их к задаче сохранения целостности России было призвано сыграть Русское политическое совещание, основанное в конце 1918 г. представителями ряда эмигрантских организаций и видными российскими политиками. Его председателем стал бывший глава Временного правительства князь Г.Е. Львов. Совещание обосновалось в Париже, где на мирной конференции решались вопросы послевоенного устройства. Претендуя на роль руководящего центра Белого движения, Совещание провозгласило своей целью «отстаивание единства, целостности и суверенитета России». При нем была создана Русская политическая делегация, которая должна была повлиять на решения мирной конференции в наиболее благоприятном для России направлении. В состав делегации вошли князь Г.Е. Львов, бывший царский министр иностранных дел С.Д. Сазонов, посол Временного правительства во Франции В.А. Маклаков, глава Архангельского правительства Н.В. Чайковский. За подписями этих четырех лиц делались все официальные заявления Совещания [2. С. 46–47; 3. С. 535; 4. С. 191–192].

Своей основной задачей Совещание считало «представительство и защиту русских общегосударственных и общенациональных интересов перед Мирной конференцией, союзными правительствами и заграничным общественным мнением» [5. С. 165]. Члены Совещания хорошо понимали, что прежде чем заявлять об отстаивании российских интересов на Мирной конференции, необходимо было определиться с тем, на какое из «белых» правительств им следует сделать ставку. Совещание сочло, что на такую роль больше всего подходил адмирал А.В. Колчак. В результате переписки между Сазоновым и Колчаком в декабре 1918 – январе 1919 г. адмирал был уведомлен, что Парижское совещание признает его Верховным Правителем России, если он будет солидарен с политической и военной программой Добровольческой армии, действовавшей на Юге России. В ответном послании Колчак поспешил уверить членов Русской политической делегации, что он поддерживает выдвинутые Югом лозунги. Одновременно Сазонов был назначен министром иностранных дел Омского правительства, сохранив при этом свою

должность управляющего отделом внешних сношений в Особом совещании Деникина. Тем самым в его лице Белое движение Востока и Юга России объединило усилия для достижения общих внешнеполитических целей [3. С. 535–536].

Внешнеполитические задачи, которые пыталось решать Русское политическое совещание, были определены еще на Яском совещании дипломатов союзных держав 17–18 ноября 1918 г., когда обсуждались вопросы, связанные с судьбой новых независимых государств: отрицание Брестского договора и признание единой неделимой России в границах августа 1914 г. за исключением Польши; непризнание государственных образований, не стоящих на платформе единой неделимой России; единое дипломатическое представительство России [5. С. 164]. Решение этих внешнеполитических задач было самым непосредственным образом связано с национальным вопросом, которому в деятельности Парижского совещания придавалось первостепенное значение. Об этом свидетельствует интенсивная переписка членов Русской политической делегации с Омском и Екатеринодаром. В.А. Маклаков отмечал, что одним из самых сложных вопросов, стоявших перед Совещанием, «несомненно, был вопрос национальный или вопрос о воссоединении государственного существа России, так как “инородцы догматически восприняли известные принципы президента Вильсона”. По признанию С.Д. Сазонова, это создавало «самую серьезную помеху в стремлении нашем убедить как державы, так и представителей отдельных национальностей в законности и целесообразности наших требований о сохранении их в рамках русского государства» [6. С. 126].

К числу первостепенных задач, которые стояли перед Парижским совещанием, относилось признание правительства Колчака великими державами. Для этого важно было убедить его заявить о своей приверженности демократическим принципам, в том числе и в решении национального вопроса. В.А. Маклаков писал 6 января 1919 г. в МИД в Омске: «Вопрос интервенции, признания правительства, нашего полноправного участия в конгрессе и даже самых условий мира зависит от того, в какой мере будущее России будет внушать доверие и симпатии демократиям-победительницам». Он советовал Колчаку «торжественно признать, что Россия стоит на почве четырнадцати пунктов Вильсона как программы мира... и непременно *сделать заявление об уважении России к правам национальностей, ее населяющих*» (курсив мой. – И.Н.) [7. С. 69–70]. И в целом деятельность Совещания была направлена на то, чтобы не допустить «расчленения» России и склонить на эту точку зрения союзников [6. С. 127].

Одновременно с созданием Русского политического совещания и в Омске началась подготовка документов

для отстаивания интересов России на предстоящей мирной конференции. Они непосредственно касались судьбы многих национальных меньшинств – поляков, украинцев, белорусов, народов Прибалтики, Закавказья и др., в разное время и при разных обстоятельствах оказавшихся на территории, подвластной Российскому правительству. В декабре 1918 г. постановлением Совета министров при МИД было учреждено Особое подготовительное к мирным переговорам совещание, которым руководил товарищ министра иностранных дел В.Г. Жуковский. Материалы для него разрабатывались комиссиями, созданными при министерствах иностранных дел, военном, морском, финансов, внутренних дел, торговли и промышленности, путей сообщения, труда, земледелия, продовольствия и снабжения и при Главном управлении почт и телеграфов. Совещание должно было свести воедино результаты работы комиссий и представить их на рассмотрение Совета министров. Работа Особого совещания и комиссий была завершена к началу февраля 1919 г. [3. С. 536; 8. С. 155–156].

Интерес представляет обсуждение вопроса о самоопределении народностей на заседании 9 января 1919 г. Идея самоопределения народов в эти годы вызвала большие споры специалистов и политиков по ряду вопросов: является ли она правовым, политическим или моральным принципом, может ли быть высшей императивной нормой международного права, кто может стать субъектом самоопределения – нация или территория. Не меньшую проблему представляло ее практическое воплощение: формы, условия и последствия, степень ответственности самоопределяющихся народов [8. С. 156]. Несмотря на дискуссионность, идея самоопределения народов стала реальным инструментом внутренней и внешней политики. «Идеологическим противовесом» праву наций на самоопределение, которое было провозглашено советским правительством в качестве одного из главных принципов внешней политики, являлась программа мирного урегулирования президента США В. Вильсона. Ее основополагающим принципом был «принцип национальности», согласно которому границы государств должны совпадать с этническими и языковыми ареалами расселения народов. Как можно судить по материалам Совещания, его члены были вполне осведомлены о постановке проблемы самоопределения народов, ее уязвимости с правовой и политической точек зрения и пытались использовать это в целях сохранения государственной и территориальной целостности России.

Открывая заседание, В.Г. Жуковский заметил, что следует различать самоопределение международное и внутригосударственное. Идея, что народы сами должны определять свою судьбу и не могут быть предметом тайной политики правительств, которая была выдвинута Русской революцией и затем представлена в известных 14 пунктах Президента США В. Вильсона как основа международной политики, не представляет больших трудностей. Гораздо сложнее представлялась проблема внутригосударственного самоопределения, заключавшаяся в определении условий существования национальностей в составе более обширных государственных объединений. По его словам, эта проблема сво-

дилась к вопросу «об условиях и пределах национальных автономий» и была обусловлена «способностью народов так жить, чтобы не мешать жить другим народностям, политически с ними связанным. Решение этого вопроса допускает многие градации в зависимости от разнообразных конкретных условий» [9. Л. 9–9 об.].

Доклад В.И. Язвицкого, который был положен в основу обсуждения, также строился на разделении понятий международного и внутригосударственного самоопределения. Язвицкий считал, что следует отказаться от абсолютизации принципа права наций на самоопределение, поскольку «всякое государство как самостоятельная и определенная политическая организация не может руководствоваться чисто национальными интересами той или иной входящей в его состав национальности». Главным фактором государственной жизни, с его точки зрения, является не национальный («этнографический»), а экономический – «наличие естественных богатств, сельскохозяйственная продукция и экономическая независимость», которую обеспечивают границы с выходом в открытое море. Причем национальные признаки в процессе исторического развития все более и более теряют свою значимость и в настоящее время в мире трудно найти «совершенно чистую нацию». Англичане, французы, испанцы, американцы служат «блестящим доказательством того, что государственный принцип сильнее этнографического». На смену национальному фактору приходит договорной. Наиболее ярким примером договорного государства является Швейцария, «соединяющая представителей трех крупных наций – французской, германской и итальянской». По словам Язвицкого, «... идея самоопределения народностей, так ярко вспыхнувшая во время мировой войны, явилась случайным совпадением экономических и национальных интересов и в силу своей яркости вызвала целый ряд романтических увлечений даже среди тех народностей, для которых полное политическое самоопределение с экономической точки зрения не только не полезно, но даже вредно, ибо для самостоятельности существования у них нет никаких ресурсов». По его мнению, из всех национальных вопросов, касающихся судьбы народов, входивших в состав Российской империи, предметом обсуждения на Мирной конференции может быть только польский вопрос, остальные являются вопросами внутренней политики России [9. Л. 13–15 и об.]. При обсуждении доклада выступавшие особо подчеркивали, что внутреннее самоопределение следует допустить лишь в тех пределах, «в коих оно не угрожало бы экономическому строю государства и его стратегической безопасности», и «вопросы внутригосударственного самоопределения не могут быть предметом обсуждения на международной конференции» [9. Л. 11].

Предложенные Язвицким подходы были одобрены и положены в основу соответствующего раздела итогового документа. Самоопределение народов рассматривалось с позиции обеспечения целостности России с двух точек зрения – международной и внутригосударственной. Предусматривался дифференцированный подход к решению проблем самоопределения. К некоторым государствам (например, к Польше), которые потеряли в прошлом свою национальную независи-

мость, но сохранили национальную самобытность, Омское правительство соглашалось применить принцип самоопределения в полной мере. «Культурные самостоятельные государства, – говорилось в документе, – подвергнувшиеся захвату со стороны других, но не утратившие своей культуры и ресурсов дальнейшего развития, имеют право на самостоятельное существование».

Судьба остальных народов рассматривалась в контексте внутренней политики. Для Прибалтики, Белоруссии, Закавказья и Украины право политического самоопределения отрицалось и предусматривалась культурно-национальная автономия. Аргументация при этом была различной. Белорусы, народы Прибалтики и Закавказья характеризовались как «народности некультурные, завоеванные или добровольно присоединившиеся и достигшие культуры благодаря тому государству, в составе которого они находятся (т.е. России. – *И.Н.*) и от которого экономически зависят». Украинцы рассматривались как народность, близкая русским («по крови, языку и культуре»), занимающая территории, которые заключают «в своих границах естественные богатства» и в случае отделения «по своему экономическому и стратегическому значению» лишают основное государство «возможности его дальнейшего экономического развития и средств самозащиты». Финляндии, статус которой приравнивался к Ирландии, также отказывалось в независимости по тем же культурологическим и геополитическим основаниям: «Народности, чуждые по культуре и крови господствующей, входящие в состав государств как политически автономные единицы (например, Ирландия, Финляндия и т.д.), в том случае, если их полное отделение прямо угрожает экономическим и военным интересам основного государства, отделены быть не могут» [3. С. 540–541].

Из других разделов разработанной Особым совещанием программы деятельности Русской политической делегации на Парижской конференции национально-государственного устройства России следует выделить раздел «Россия и славянский вопрос», в котором обосновывались притязания России на владение Мраморным морем с проливами и присоединение Прикарпатской Руси. При рассмотрении границ России с Польшей Подготовительная комиссия выработала два варианта русско-польских отношений. Один из них основывался на том, что создание Польского государства уже предрешено, второй – на крайне слабой надежде, что в Польше могут одержать верх сторонники сохранения политической и территориальной связи с Россией. Комиссия полагала, что если и состоится полное отделение Польши от России, то оно будет временным, поскольку, во-первых, с Россией ее связывают тесные экономические связи, во-вторых, она вынуждена будет ориентироваться на Россию как «на пограничную и наиболее сильную славянскую державу, обеспечивающую ее тыл», т.к. Германия, часть земель которой отойдет к Польше, будет жаждать реванша [10. Л. 30]. Первый вариант предусматривал, что Литва и Белоруссия «ни в какой части» не могут войти в состав Польши, Холмщина должна остаться в пределах России, а Русь Галицкая, Угорская и Буковинская должны быть

присоединены к ней. Предполагалось обеспечение прав национальных меньшинств на национально-культурное развитие [10. Л. 27 об.]. Во втором случае предусматривалась, по сути дела, конфедеративная связь России и Польши. При сохранении единой внешней и финансовой политики, единых армии, флота, общих путей сообщения, почты, телеграфа и денежной системы декларировалась самостоятельность Польши «во всех вопросах образа правления и внутренней политики». Предполагалось, что «Россия будет добиваться, чтобы территория Польши простиралась вплоть до берегов Балтийского моря и включала бы в себя все те части Восточной Пруссии, которые являются искони польскими». Внутренние границы России и Польши должны были проводиться по этнографическим и вероисповедным признакам. Для национальных меньшинств предусматривалась широкая культурно-национальная автономия [10. Л. 28]. В итоговый документ вошел первый вариант [3. С. 541–542].

Таким образом, разработанный Особым совещанием итоговый документ основывался на необходимости «ограничения национального начала при построении программ международных отношений во имя начала государственного и правового», иными словами, на приоритете общегосударственных интересов над интересами отдельных национальностей, населяющих Россию. Это был, по сути, первый основополагающий внешнеполитический документ колчаковского правительства, фактически его программа-максимум, которая определяла и его национальную политику. Он предполагал не только сохранение Российской империи в ее прежних территориальных границах за исключением Польши, но и присоединение ряда земель, входивших когда-то в состав Русского государства. Такая постановка вопроса влекла за собой неизбежность конфликтов с Польшей и Румынией и втягивала в затяжной спор с державами Антанты, которые покровительствовали этим странам [3. С. 543]. Вместе с тем она вызывала резко негативную реакцию со стороны национальных меньшинств, как правило, поддерживающих этнополитические притязания своих материнских этносов.

Высшим органом Парижской конференции, проходившей с 18 января 1919 г. по 21 января 1920 г., являлся Верховный совет, состав которого постоянно менялся. Сначала это был Совет десяти, затем, с марта 1919 г., Совет четырех в лице президента США В. Вильсона, премьер-министров Франции (Ж.Б. Клемансо), Великобритании (Д. Ллойд Джордж) и Италии (В.Э. Орландо), а с июня – Совет пяти, куда вошел представитель Японии. В основу разработки Мирного договора конференция положила тезисы Вильсона, которые были результатом разработанных с 1916 г. союзнических требований на случай победы над Германией. «14 пунктов» Вильсона предусматривали отказ от тайной дипломатии, свободу морей и торговли, ограничение вооружений, справедливое урегулирование претензий, очищение занятых русских областей и решение всех касающихся России вопросов, самостоятельное развитие народов Австро-Венгрии, создание независимой Польши с неоспоримо польским населением и т.д. Пункт 6, касающийся России, предусматривал «осво-

бождение всех русских территорий и такое разрешение всех затрагивающих Россию вопросов, которые гарантируют ей самое полное и свободное содействие со стороны других наций в деле получения полной и беспрепятственной возможности принять независимое решение относительно ее собственного политического развития и ее национальной политики и обеспечение ей радушного приема в сообществе свободных наций при том образе правления, который она сама себе избрет...» [11. С. 108–109].

«Русский вопрос» был одним из главных в повестке дня, но его обсуждение происходило без участия России, что объяснялось отсутствием к этому времени на ее территории официально признанного правительства [12. С. 62–69]. Попытка союзников найти компромисс между воюющими сторонами, пригласив их к участию в предварительной конференции на Принцевых островах, вызвала резкую реакцию в стане Колчака и других «белых» правительств. По свидетельству И. Сукина, «не дожидаясь каких-либо объяснений», Колчак тотчас объявил «в самых решительных выражениях о недопустимости каких-либо соглашений с большевиками». Затем с Принцевыми островами была воспринята как «доказательство вероломства союзнической политики», последствия которой, по мнению Сукина, сказались на «еще большей деморализации общественных настроений в их отношении к союзникам», заложенные еще ранее «начала недоверия усилились, и началось укрепление национального шовинизма и непримиримости». Все без исключения общественные группы Сибири, включая самых левых, «были убеждены в существовании у союзников заведомого и точно продуманного плана раздробления России» [1. С. 457].

Не были приглашены к участию в работе конференции и делегации прибывших в Париж существующих на тот момент окраинных правительств: Украинской Народной Республики, Западно-Украинской Народной Республики, Белорусской Народной Республики, Республики горцев Северного Кавказа, Латвии, Литвы, Эстонии, Азербайджана, Армении, Грузии. Делегациям «белых» и непризнанных национальных правительств была предоставлена возможность высказаться перед конференцией свои «суждения». Из всех правительств, образовавшихся на территории России, к участию в конференции была приглашена только Польша. Ее представляли И. Падеревский и Р. Дмовский. Независимость Польши вскоре признали и заявили об установлении с ней дипломатических отношений США (30 января 1919 г.), Франция (24 февраля), Англия (25 февраля) и другие государства.

Парижская мирная конференция юридически оформила воссоздание независимого польского государства. 29 января на заседании конференции Р. Дмовский изложил территориальные претензии Польши, заключавшиеся в признании границ 1772 г. с возможными их частичными изменениями. Тем самым в основу определения границ Польши предлагалось положить исторический принцип, в случае реализации которого в состав Польши были бы включены Литва, Белоруссия, большая часть Украины, часть Латвии. Если эндеки во главе с Дмовским стремились к прямой инкорпорации этих земель, то сторонники Ю. Пилсудского предлага-

ли план создания в Восточной Европе максимально обширной федерации государств под гегемонией Польши. Для детального рассмотрения польского вопроса Совет десяти образовал комиссию по польским делам под руководством французского дипломата Ж. Камбона. Рассматривая вопрос об определении государственной границы между Польшей и Германией, комиссия в первую очередь учитывала национальную принадлежность населения соответствующих территорий. Земли с неоспоримо польским населением должны были стать составными частями Польши; предполагалось возвратить ей Данциг (Гданьск) и территории, лежащие вдоль железной дороги, ведущей от Варшавы к Данцигу, что при сохранении за Германией основной части Восточной Пруссии придавало польскому выходу к морю характер коридора, проложенного сквозь германские владения. В итоге Д. Ллойд-Джордж, В. Вильсон, Ж. Клемансо договорились о выделении Гданьска в особое государственное образование – «вольный город». Западные границы Польши были определены Версальским мирным договором, который был подписан 28 июня 1919 г. [13. С. 252–254; 14. С. 136–145].

Восточные границы Польши не были определены вплоть до 8 декабря 1919 г., когда было опубликовано решение комиссии Камбона о временной восточной границе. Чтобы прекратить состояние политической неопределенности, в котором находился польский народ, не предвещая будущих договоров, которые окончательно установят эту границу, признавалось право польского правительства на установление постоянной администрации только до определенной, конкретно указанной линии, впоследствии получившей наименование «Линии Керзона». В ее основе лежал доминировавший в Париже принцип воссоздания Польши в этнографических (этнических) границах. Она почти полностью совпадала с довоенной границей бывших Привислинских губерний (Царства Польского) [14. С. 144].

Русское политическое совещание, не имея возможности представлять и защищать, как задумывалось, интересы России на Мирной конференции, использовало как способ влияния на обсуждение проблем, касающихся будущего России, форму подачи различного рода «меморандумов», «заявлений», «деклараций», которые, как правило, публиковались в печати, в том числе и в сибирских газетах. 9 марта 1919 г. Мирной конференции был подан меморандум за подписью членов Русской политической делегации, в котором излагалась общая позиция Совещания по вопросу о решении «русского вопроса». Мирной конференции предлагалось, во-первых, признать, что все вопросы, касающиеся территории Русского государства в границах до 1914 г., за исключением этнографической Польши, а также будущего устройства национальностей, не могут решаться без согласия русского народа; во-вторых, признать временные национальные правительства, если они соответствуют демократическим принципам и пользуются доверием населения [15. Л. 3–3 об.].

В Омске на эту декларацию отреагировали нервно. 21 марта последовала секретная телеграмма Сазонову за подписью Сукина, в которой говорилось: «Верховный правитель просит сообщить, сделано ли заявление Конференции только от имени Совещания или также

от Омского правительства. Заявление это по столь важному вопросу вызвало здесь смущение, так как указание на желательность поддержки союзников существующих национальных правительств может впоследствии послужить причиной затруднений. Ко времени освобождения России может оказаться налицо ряд национальных правительств, фактически укрепившихся с нашего согласия. Казалось бы достаточно выражения пожелания о помощи союзников делу восстановления порядка и благосостояния населения без упоминания правительств. Заявление Совещания нами здесь не будет опубликовано и, надеемся, не должно привести к необходимости для правительства высказать свой взгляд по этому вопросу» [15. Л. 7].

Понимая, что признание национальных правительств расходится с принципом «единой, неделимой России», которого придерживались «белые» правительства, члены делегации поспешили их успокоить, объясняя, что в сложившихся военно-политических условиях это признание является неизбежным. В секретной телеграмме С.Д. Сазонова на имя И.И. Сукина говорилось, что поданное Мирной конференции заявление имело в виду, во-первых, «выразить сочувствие законным стремлениям национальностей к самобытности»; во-вторых, «не предрешая будущего устройства России, указать, что новая демократическая Россия мыслит это устройство на началах автономии и федерации, даже [в] известных случаях, на началах независимости, по соглашению с Россией и на условиях для нее приемлемых...». При этом не исключалась возможность предоставления независимости Финляндии в обмен на «гарантии стратегического характера». Одновременно подчеркивалось, что окончательное разрешение этих вопросов будет возможно только после восстановления в России «нормальных политических условий», т.е. после победы над большевиками. Указывалось, что заявление о признании национальных правительств необходимо в целях установления с ними сотрудничества для борьбы с большевизмом и что оно «отсрочит решение этих вопросов до воссоздания России, не выступая в то же время непримиримым противником национальных стремлений инородцев» [15. Л. 6–6 об.; 7. С. 73]. Таким образом, как позднее Сазонов писал Вологодскому, «аргументация наша направлена к тому, чтобы сочетать признанное за нашими инородцами право на самоопределение с началом государственного единства России» [16. С. 131].

В течение апреля–мая 1919 г. последовали заявления Русского политического совещания о русско-польских и русско-финских отношениях, о прибалтийских «провинциях», которые являлись развитием и практическим дополнением общей декларации. Одновременно продолжалась интенсивная переписка по этим вопросам между Совещанием и «белыми» правительствами.

19 апреля Русская политическая делегация обратилась к Парижской конференции с «Запиской по польскому вопросу», которая затем была передана в Омск и опубликована в сибирских газетах [17. 20 июля]. В «Записке» признавалась непреложность независимости Польши со ссылкой на признание ее Временным правительством. Одновременно было заявлено, что Россия

заинтересована в сильной Польше, которая была бы способна оказать сопротивление «возможным вторжениям германизма», и поэтому считает, что к Польше должны отойти «все польские земли, принадлежащие центральным державам» и, кроме того, она должна получить выход в Балтийское море и порт Данциг. Чтобы Польша была «одинаково сильна и внутри», чтобы она не могла быть ослаблена борьбой различных народностей, она не должна иметь в своем составе «иноплеменные народности – литовские или русские».

Крайне важно было с военной и стратегической точек зрения, особенно в целях успешного наступления на Петроград, решение вопросов, касающихся Финляндии и Прибалтики. Однако все попытки членов Совещания убедить Колчака выступить с заявлением, в котором бы содержалось согласие предоставить Финляндии самостоятельность «при условии обеспечения стратегических интересов России и защиты Петрограда», не увенчались успехом. Омск упорно стоял на своем, утверждая, что окончательное разрешение вопроса о предоставлении независимости Финляндии принадлежит Учредительному собранию, соглашаясь лишь на признание независимости фактически существующего финляндского правительства в вопросах «внутреннего строения и управления страной» [18. С. 95–97, 104, 107]. Главную роль в этой, по словам А. Будберга, «смертельно гибельной» для «белых» позиции сыграл И.И. Сукин. В своем докладе о деятельности МИД Сукин хвастливо заявил, что Маннергейму, который предлагал двинуть на Петроград 100-тысячную финскую армию и просил за это заявить об официальном признании независимости Финляндии, был дан «такой ответ, который отучил его впредь обращаться к нам с такими дерзкими и неприемлемыми для великодержавной России предложениями». Неуступчивость Омска в вопросе о декларировании независимости Финляндии явилась одним из факторов неудачи наступления Юденича на Петроград. По мнению А. Будберга, если бы не это решение, которое вырвала у адмирала «кучка безграмотных советников», «Россия была бы свободна от большевиков» [19. С. 296–297].

Если в вопросе о Финляндии члены Политического совещания, в отличие от Колчака, не исключали возможность признания ее независимости, то к отделению Эстонии и Латвии и те и другие относились одинаково отрицательно. В Меморандуме по балтийскому вопросу говорилось, что «прибалтийские провинции не могут жить самостоятельной жизнью» по причинам как экономической, так и политической слабости. Еще большее значение придавалось невыгодности отделения этих территорий с экономической, политической, военной и международной точек зрения. Указывалось, в частности, на жизненную важность свободного доступа России к Балтийскому морю, на то, что Прибалтика представляет «удобный стратегический плацдарм... для нанесения военного удара в самое сердце России», а также на то, что в случае отделения прибалтийские государства могут проводить враждебную для России международную политику. Для народов Прибалтики предусматривалось единственное решение – «добровольное их включение в состав Российской Федерации с гарантированием самой широкой национальной и культурной автономии и полнейшего самоуправления...» [5. С. 167–169].

В отличие от финляндского вопроса, в вопросе о предоставлении независимости Эстонии и Латвии позиции Парижского совещания и Омского правительства полностью совпадали. Говоря о необходимости сотрудничества с эстонскими властями для действий против Петрограда, С.Д. Сазонов писал 27 апреля И.И. Сукину: «Убежден, что никогда нельзя будет согласиться на независимость Эстонии и Латвии, но нужно будет дать этим областям широкую местную автономию под условием обеспечения прав всех национальных меньшинств, в первую очередь русско-го...» [18. С. 105], на что Сукин отвечал: «Что же касается переговоров с эстонцами, то предлагаемая вами формула автономии в самом широком смысле... вполне совпадает с общей национальной программой правительства» [18. С. 107].

Под воздействием военных успехов армий Колчака весной 1919 г. союзники начали склоняться к выводу о необходимости официального признания Омского правительства и оказания ему помощи. 26 мая 1919 г. Совет четырех направил Колчаку дипломатическую ноту, в которой выдвигались условия, на которых союзники соглашались предоставлять помощь «амуницией, снабжением и припасами», чтобы дать Омскому правительству возможность «укрепиться в качестве всероссийского правительства». От Колчака требовалось предоставить «определенные гарантии», что его политика «имеет те же цели», что и политика союзников. В числе этих «гарантий» назывались созыв после захвата Москвы Учредительного собрания, свободные выборы в земства и городские думы, отказ от классовых привилегий, признание независимости Польши и Финляндии, согласие на урегулирование отношений с помощью Лиги Наций с Эстонией, Латвией, Литвой, а также Закавказскими и Закаспийскими территориями, а до этого – признание автономного статуса этих областей де-факто [3. С. 547–548; 11. С. 248–250].

Эти требования, означающие в случае их осуществления значительное сокращение прежней территории Российского государства, разумеется, не соответствовали декларациям и заявлениям Колчака о сохранении целостности России и решении национальных проблем и поэтому встречены были в Омске без восторга. Вместе с тем международное признание было крайне важным не только для Омска, но и для всего Белого движения. Поэтому Колчак не замедлил с ответом, последовавшим 3 июня 1919 г. Он заверил союзников, что Учредительное собрание будет создано незамедлительно после победы над большевиками, что правительство ни в коей мере не препятствует свободной деятельности земств и органов местного самоуправления и что все сословия и классы «без различия религий и национальностей получают защиту государства и закона». Верховный правитель подтвердил независимость Польши и признал Финляндское правительство, заявляя о готовности обеспечить ему полную независимость, правда, лишь во внутреннем устройстве и управлении Финляндией. При этом установление границ с Польшей и окончательное урегулирование всего комплекса проблем с Финляндией по-прежнему оставалось на усмотрение Учредительного собрания. Колчак заявил также о намерении обеспечить автономные

права национальных групп и народностей Эстонии, Латвии, Литвы, Закавказских и Закаспийских территорий. Одновременно была сделана оговорка о том, что границы и условия установления каких-либо автономных институтов будут решаться отдельно в каждом случае. Не исключая сотрудничество с Лигой Наций, Колчак подчеркнул, что только Учредительное собрание будет вправе решить все вопросы внутренней и внешней политики [17. 1 июля].

Совет четырех считал такой ответ вполне удовлетворительным и 12 июня известил Колчака об этом. Заявляя, что «общий тон ответа адмирала Колчака и его основные пожелания находятся в соответствии с их предложениями», что его ответ «содержит удовлетворяющие их заверения о свободе, мире и самоуправлении русского народа и его соседей», союзники подтвердили свое намерение предоставить Колчаку и присоединившимся к нему (Деникин и Архангельское правительство) необходимую помощь [12. С. 243–244]. Позиция, занятая Колчаком по вопросу об окраинных республиках, последних явно не устраивала, поскольку не давала каких-либо гарантий признания их независимости. Ознакомившись с опубликованной в газетах перепиской Совета четырех с адмиралом, они послали 18 июня 1919 г. на имя президента Вильсона декларацию, подписанную представителями делегаций Азербайджана, Эстонии, Латвии, Грузии, Северного Кавказа, Белоруссии и Украины, в которой выдвигалось требование «о немедленном признании их политической независимости». Но ответа на это заявление не последовало, т.к. союзники начиная с конца мая основную свою ставку сделали на Колчака [12. С. 244].

Единственным небольшевистским правительством, признавшим независимость одного из прибалтийских государств – Эстонии – было Северо-западное правительство С.Г. Лианозова. Заявление о признании независимости Эстонии было сделано 13 августа. О нем был поставлен в известность Колчак. Одновременно выражалось намерение просить о признании «абсолютной» независимости Эстонии правительства союзных держав. Правда, единства во взглядах на будущее Эстонии в Северо-Западном правительстве не было. Так, Юденич, признавая в принципе независимость Финляндии, несмотря на свою подпись под вышеуказанным заявлением, относился к предоставлению независимости Эстонии отрицательно, считая, что ей можно предоставить только автономию. В сентябре 1919 г. Северо-Западное правительство приветствовало образование Латвийского правительства и заявило о своей готовности наладить с Латвией регулярные отношения [5. С. 175–178].

По иронии судьбы, когда после поражения под Петроградом армия Юденича стала отступать в Эстонию, она была разоружена. На протест представителей США, Англии и Франции эстонское правительство ответило 1 декабря нотой, в которой указывалось, что оно не может отменить свое постановление «ввиду непримиримого отношения к независимости Эстонии со стороны Колчака, Деникина и Юденича» [5. С. 179–180]. Констатируя, что «эсты заключили перемирие с большевиками» и «продолжают переговоры о мире», Юденич с горечью телеграфировал 2 января 1920 г.

Гулькевичу в Стокгольм: «...Больно вспоминать прошедший год, сколько было сделано ошибок и, видимо, их будут продолжать повторять и в этом году. Дорого обошлось будущей России нежелание Сазонова признать независимость Финляндии. Где теперь Колчак, Деникин? Один в Иркутске, другой отброшен далеко на юг...» [5. С. 180].

Отказываясь от создания общего с правительствами новообразованных государств противобольшевистского военно-политического блока, Колчак обрекал на неудачу борьбу «белых» с «красными» в гражданской войне. «На горе нам, – писал позже генерал Филатьев, – Верховный Правитель был начисто лишен чувства реальности». Однажды, когда Колчак дал очень уклончивый ответ французскому премьеру Клемансо на вопрос о судьбе Латвии, Литвы и Эстонии, Филатьев спросил его, почему он не ответил более определенно, Колчак «немедленно запыхал, “заштормовал”, и, повышая голос, сказал: “Я не могу поступиться завоеваниями Петра Великого”» [20. С. 188–189].

И только незадолго до своего поражения Колчак вынужден был все же признать, хотя бы в тактических целях, да и то с большими оговорками, необходимость объединения всех антибольшевистских сил, включая окраинные правительства. В письме А.И. Деникину в октябре 1919 г. Верховный Правитель писал, что вполне разделяет его отрицательное отношение к «стремлениям отдельных областей присвоить суверенные права» и к «тенденциям воссоздать Российское государство на началах конфедерации», но в сложившейся обстановке он считает более опасными «враждебные

разногласия» и «несогласованность». Поэтому он признал возможным отнестись «с полной терпимостью к объявлению Деникиным самостоятельности Эстонии» и заявил, что готов «временно считаться с фактической независимостью Украины равно как с установившеюся восточную границу Польши с тем, чтобы согласовать военные действия наших украинских и польских и прочих антибольшевистских сил». Но и в этих условиях, подчеркивал Колчак, он считает раздробление Российского единого государства «неизбежным злом», временным явлением, пока не установится сильная центральная власть. А до тех пор Верховный Правитель готов был «терпеть», но ни в коем случае «не покровительствовать описанным тенденциям» [21. С. 261–262].

Антидемократическая сущность внешнего и внутреннего курса режима Колчака и национальной политики как его части обусловили недоверие к власти Российского правительства и аборигенного населения, и пришлых национальных меньшинств. Отстаиваемую колчаковской властью идею «единой и неделимой» России национальные движения и организации воспринимали как возвращение к дореволюционной политике. Как писал один из участников событий тех лет, эсер Е. Колосов, «...вопрос о создании центральной государственной власти, которая, будучи действительной властью, вместе с тем сумела бы учесть все местные особенности и наладить свои отношения с группами, отличающимися центробежными тенденциями, – такой вопрос являлся тогда кардинальнейшим... Правительство Колчака не сумело разрешить его и погибло» [22. С. 50].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Записки* Ивана Ивановича Сукина о Правительстве Колчака // За спиной Колчака: Документы и материалы. М., 2005.
2. *Скаба А.Д.* Парижская мирная конференция и иностранная интервенция в стране Советов (январь–июнь 1919 г.). Киев, 1971.
3. *Остапенко А.И.* «Белое движение» и проблемы целостности России // Российское государство и общество. XX век. М., 2000.
4. *Трухан Г.А.* Антибольшевистские правительства России. М., 2000.
5. *Кукушкина И.А.* Небольшевистская Россия и проблема независимости прибалтийских государств // Россия и Балтия: эпоха перемен (1914–1924). М., 2002.
6. *Наумова Н.И.* Национальный вопрос во внешней политике колчаковского правительства // Вопросы истории общественно-политической жизни Сибири периода Октября и Гражданской войны. Томск, 1982.
7. *Исторический архив.* 1961. № 6.
8. *Наумова Н.И.* Национальная политика колчаковского правительства: управленческие структуры и законодательство (1918–1920) // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. М., 2005.
9. *Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).* Ф. 200. Оп. 1. Д. 261 «а».
10. ГАРФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 52.
11. *Ключников Ю.В., Сабанин А.В.* Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 2: От империалистической войны до снятия блокады с Советской России. М., 1926.
12. *Штейн Б.Е.* «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919–1920 гг.). М., 1949.
13. *Краткая история Польши.* М., 1993.
14. *Яжборовская И.С., Парсаданова В.С.* Россия и Польша. Синдром войны 1920 г. М., 2005.
15. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 604.
16. *Пролетарская революция.* 1921. № 1.
17. *Правительственный вестник.* Омск. 1919.
18. *Красный архив.* М., 1929. Т. 2 (33).
19. *Будберг А.* Дневник белогвардейца (колчаковская эпопея) // Дневник белогвардейца. Новосибирск, 1991.
20. *Филатьев Д.З.* Катастрофа белого движения в Сибири. 1918–1919. Впечатления очевидца. Париж, 1985.
21. *Субботовский И.* Союзники, русские реакционеры и интервенция. Л., 1926.
22. *Колосов Е.Е.* Сибирь при Колчаке. Пг., 1923.

Статья представлена научной редакцией «История» 25 февраля 2008 г.